

Елена Николаевна Грицак
Помпеи и Геркуланум
Серия «Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167449
Е.Н.Грицак Помпеи и Геркуланум: Вече; Москва; 2004
ISBN 5-9533-0333-5

Аннотация

Трагической участи Помпей и Геркуланума посвящено немало литературных произведений. Трудно представить себе человека, не почерпнувшего хотя бы кратких сведений о древних итальянских городах, погибших во время извержения Везувия летом 79 года. Катастрофа разделила их историю на два этапа, последний из которых, в частности раскопки и создание музея под открытым небом, представлен почти во всех уже известных изданиях. Данная книга также познакомит читателя с разрушенными городами, но уделив гораздо большее внимание живым. Картины из жизни Помпей и Геркуланума воссозданы на основе исторических сочинений Плиния Старшего, Плиния Младшего, Цицерона, Тита Ливия, Тацита, Страбона, стихотворной классики, Марциала, Ювенала, Овидия, великолепной сатиры Петрония. Ссылки на работы русских исследователей В. Классовского и А. Левшина, побывавших в Южной Италии в начале XIX века, проиллюстрированы их планами и рисунками.

Содержание

Введение	4
Город у подножия вулкана	8
Старые и новые Помпеи	10
История крепости	14
Городская жизнь	20
Улицы и дома	26
Водоснабжение	42
Материалы и предметы быта	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Николаевна Грицак

Помпеи и Геркуланум

Введение

*Там нет бесплодных посадок в поле,
А все живет жизнью без затей, сельской.
Цереры даром закрома полны,
И пахнут амфоры вином старым...*
Марк Валерий Марциал

Первые упоминания о неаполитанской Кампании относятся к легендарной древности. Согласно мифам, край на юго-западе Средней Италии посещал отважный Улисс. Здесь упивался свободой завистливый зодчий Дедал, бежавший из Греции после убийства племянника Гигина. В прибрежном городе Кумы жила и писала свои знаменитые книги прорицательница Сивилла. Окрестности Неаполя были свидетелями славной победы Юпитера, метавшего молнии в титанов во время битвы на Флегрейских полях. Гомер утверждал, что именно в этих местах закончилось морское путешествие Энея, родоначальника Рима и прародителя римлян. Столь любимый богами край занимал узкую полосу долины между отрогами Самнитских гор и Тирренским морем. В древности защищенную от холодных ветров, прогретую жарким солнцем местность называли *Campania felix* («счастливая страна полей»).

Среди множества кампанских заливов самым большим, удобным и особенно живописным был Кумский (Неаполитанский), на берегах которого стояли города Геркуланум, Байи, Стабии, Мисен, ПUTEОЛЫ, Неаполь. В глубине полуострова, вблизи горной гряды, находились Нола и Капуя, а поодаль от моря, в устье реки Сарно – богатые и шумные Помпеи.

Античные поэты сравнивали Кампанию с раем. Теплый, мягкий климат, обилие солнца, здоровое дыхание моря – все это позволило римскому историку Флору назвать ее самым прекрасным местом не только в Италии, но и во всем мире. Щедрая природа действительно обеспечивала людям легкое существование под чудесным голубым небом, в сытости и довольстве, обретенными не слишком тяжелым трудом. Восторженные ноты звучали даже в географических сочинениях. Ученые не ограничивались сухим описанием, превращая рассказ в торжественную оду: «Море изобилует хорошей рыбой, холмы покрыты виноградом, дающим славное вино; земля, оставленная под паром, тотчас покрывается розами, пахнущими слаще, чем садовые; масла, выжатого из маслин, так много, что его достает не только для еды, но и для приготовления благовоний».

Вид на горы Южной Кампании

Рассказывая о плодородных землях Кампании, не могли сдержать восторга и прагматичные историки. Здешние крестьяне в самом деле собирали урожай круглый год: после пшеницы и ячменя поспевало просо, затем репа, а после нее вновь сеяли зерновые. По всей Италии славились местные каштаны, вишни, дыни, спаржа, но особенно итальянская капуста, охотно употреблявшаяся как бедняками, так и богачами. Научным разведением этого знаменитого овоща занимались во всех кампанских городах, и в каждом из них имелись оригинальные сорта. Виноградные вина с необычным горьковатым вкусом создавали по старинной рецептуре, заимствованной из быта осков – предполагаемых предков помпеян.

В VIII столетии до н. э. население Кампании дополнилось греками. Одержимые жаждой богатства и приключений, любознательные, трудолюбивые переселенцы возделывали землю, занимались торговлей, наукой. Эллины основали на побережье город Кумы, откуда чужеземная культура распространилась сначала на кампанские, а затем и на другие итальянские народы. Греки пробыли на Апеннинах недолго, но успели внедрить в сознание местных народов такие понятия, как «алфавит», «театр», «мореплавание». Завоеватели познакомили туземцев с полезными свойствами *oliva* («маслины») – невысокого дерева с серебристо-серой листвой, из плодов которого получалось ароматное *oleum* («масло»).

Прижившись на новой родине, греки вначале мирно торговали с воинственными этрусками, которых тогда называли владыками моря. Однако к середине VI века до н. э. отношения обострились. Коренным итальянцам претило господство эллинов на побережье Кампании. Итогом предпринятого вскоре похода стало основание Ацерры, Нолы, Нуцерии, захват прекрасной Капуи и, возможно, Помпей, располагавшихся вдали от греческих колоний и к тому же отгороженных Везувием от остальных кампанских городов.

Борьба между греками и этрусками продолжалась более столетия, пока не завершилась поражением обеих сторон. В 445 году счастливый край захватили самниты, родственные оскам горные племена, жадно взиравшие со скал на плодородные долины Кампании. Умелые и сильные воины легко захватили ослабевшие, близкие к упадку города. Завоеватели могли бы перебить этрусков, но, по свидетельству Тита Ливия, не стали этого делать, а «установ от войны, приняли их в гражданство и наделили землей». Примерно через 20 лет после окончания войны возникла самнитская федерация, объединившая счастливый край вокруг нового центра – города Нуцерия.

Захватчики отличались полным отсутствием культуры, однако были довольно миролюбивым, восприимчивым ко всему новому народом. Они быстро переняли эллинские обычаи, хотя и бережно сохраняли собственные. С того времени в Кампании стал господствующим оскский язык, на котором разговаривали, писали и делали гравировку на монетах, украшенных изображениями олимпийских богов. После того как самниты увлеклись спортом, в городах появились палестры. Тогда же традиционная итальянская планировка частных домов обогатилась греческими элементами.

Развитию оско-самнитской культуры не помешало очередное завоевание. Пришедшие в III веке до н. э. римляне пытались ввести латынь и некоторые свои обряды, но кампанцы продолжали употреблять язык осков, отстояли самоуправление в городах и продолжали беззаботное существование. К началу новой эры цветущая Кампания противопоставлялась бедной Лации. По замечанию Цицерона, «великий Рим, расположенный на холмах и оврагах, с его неказистыми улицами и узкими переулками, не мог сравниться с Капуей, вольно простертой на широкой равнине».

Мифологическая история счастливого края началась с подвигов Геркулеса, о чем свидетельствует название одного из ее городов. Далеким от романтики ученые безуспешно пытаются отыскать в топонимике Помпей и Геркуланума родство с латинским обозначением фраз «потухший огонь» и «сгоревшая гора». Геологический след в наименованиях не согласуется с мифами: вряд ли легендарному силачу захотелось поселиться на холме из застывшей лавы, пролившейся из жерла Везувия в незапамятные времена. Более вероятно, что возвышенность избрал для жительства слабый человек, искавший на высоте защиту от зверей и врагов. Со временем унылое плато преобразилось в цветущий город Помпеи, а их основание, развитие и гибель в 79 году составили самый трагический эпизод в истории Древней Италии.

Долго считавшийся потухшим Везувий погубил все окрестные города. Жизнь в них остановилась в одно мгновение, предоставив потомкам наглядный материал для изучения феномена под названием «итальянская античность». Раскопки на месте катастрофы нача-

лись в середине XVIII века. Под многометровой толщей застывшей лавы археологи обнаружили дома, улицы, площади, сохранившиеся в том виде, в каком они находились почти два тысячелетия назад.

Город у подножия вулкана

*Нужно строить дома, сочетая жилище свое воедино
С крышей другой, чтоб доверье взаимное нам позволяло
Возле порога соседей заснуть...*

Децим Юний Ювенал

Устроив поселение на холме из застывшей лавы, оски обеспечили себе спокойную жизнь в отсутствие толстых стен. Со временем они перестали слепо доверять природе, защитив себя сооружением, по форме и значению напоминавшим цитадель. Постройка в суровом дорическом стиле, без крыши, имела треугольную форму, играя двоякую роль. За толстыми стенами люди прятались при нашествии врага, регулярно собирались помолиться или принести жертву Нептуну, в честь которого был возведен этот оригинальный храм.

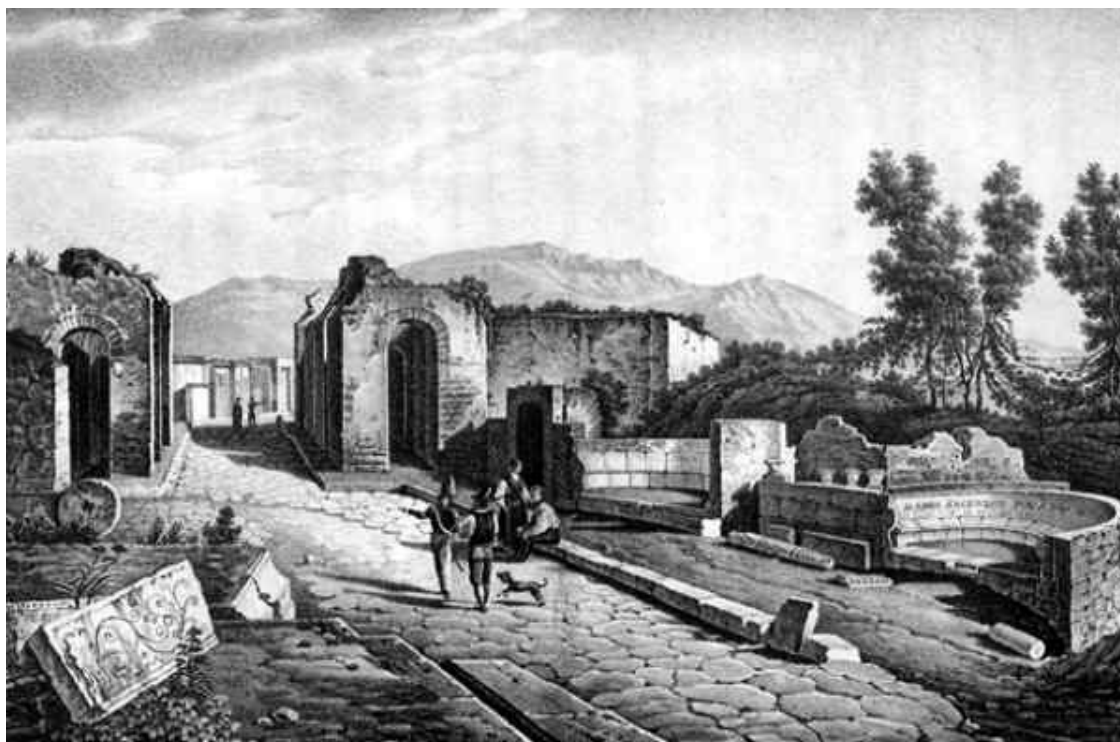
Поначалу свободные от крепостного строительства жители занимались торговлей, успех которой определялся близостью моря и возможностью контроля за конкурентами. С высоты холма прекрасно обзревалась равнина, поэтому горожане видели всех, кто двигался по дорогам или плыл по устью Сарно. Местность вблизи Везувия обладала мощной притягательной силой. Крестьяне находили в Помпеях быстрый сбыт продуктов земледелия. Ремесленники строили просторные мастерские и не страдали от недостатка клиентов. Купцов привлекало безопасное плавание в тихих водах, удобные бухты с обустроенными причалами, низкие пошлины, но главное – обилие богатых и щедрых покупателей. Стремительно разраставшемуся городу все же пришлось спуститься с холма, правда лишь через несколько веков после основания.

Руины древней крепости

Старые и новые Помпеи

Помпеи долгое время оставались в тени более крупных поселений Кампании. До 311 года о них не упоминалось в источниках, поэтому ничего не известно о происхождении названия города, а также невозможно определить причину и точную дату его основания. На оскском языке слово *ропре* соответствует латинскому *quinque*, означая число «пять». От этих терминов образовались имена Помпей и Квинкий, которые носили представители знатных кампанских и римских фамилий. Проводя аналогию с наименованиями некоторых итальянских городов, например с Тарквиниями, можно предположить, что Помпеи некогда принадлежали одноименному роду и, вероятно, были им же и созданы.

«Въезд в Помпеи со стороны Геркуланума». Рисунок А. Левшина, 1843

История градостроительства Помпей разделяется на два периода, о чем свидетельствует наличие разных по архитектуре частей города: старых кварталов с признаками хаотичной застройки и новых, возводившихся по единому плану. Оски строили дома, следуя своим желаниям, хотя непременно учитывали состояние грунта. Расположенные на юго-западном склоне холма кривые улочки старого города ограничивали кварталы, с высоты походившие на причудливые геометрические фигуры.

Бурное разрастание Помпей началось в IV веке до н. э. Новый город строился по плану, где предусматривались строго прямоугольные кварталы, известняковые сооружения, прямые улицы с названиями, а также свободные пространства для будущих храмов, рынков, амфитеатров и прочих культурных заведений явно римского характера.

Об итальянских корнях нового города свидетельствуют элементы, ставшие приметой цивилизованного общества. В отличие от греков римляне не мыслили свою страну без мощных дорог, мостов, четко распланированных, удобных для жизни городов с отдельными зданиями библиотек и архивов, без святилищ-нимфеев, немыслимо роскошных дворцов, богатых вилл и просто добротных домов с красивой мебелью. В центре Помпей пересекались два проспекта: расположенные перпендикулярно *cardo* и *decumanus*. Название первого в пере-

воде с латинского языка звучало как «поворотная линия». Так римляне именовали главную улицу, направленную с севера на юг.

Господство Рима на Средиземном море способствовало свободному обмену товарами вплоть до начала новой эры. Помпеи вступили в период бурного экономического роста империи благодаря налаженному производству вина и масла. Следствием процветания стал заметный рост строительства общественных и частных зданий. Вдоль побережья Кумского залива располагались многочисленные рыбацкие поселки. Убогие домишки бедняков соседствовали с усадьбами знатных римлян, приезжавших сюда отдыхать от столичной суеты. Неистощимая городская казна позволяла возводить такие крупные сооружения, как форум, театр и амфитеатр.

Художественная сторона итальянского быта определялась греческим влиянием, хотя отдельные формы искусства в каждой провинции развивались по местным традициям. Из завоеванных государств, в первую очередь из Эллады, на Апеннины прибывали талантливые мастера. Уникальные творения чужаков изумляли римлян, заявлявших, что «плененная Греция пленила своих врагов». Например, знаменитые мозаики Помпей по композиции, колориту и стилю близки фрескам художников Возрождения – Рафаэля Санти и Джулио Романо. В Риме сверяли время по солнечным часам. Создание этого прибора являлось сложной задачей даже во времена позднего Средневековья.

Однако не эллины, а именно римляне первыми строили типовые города, основываясь на прямоугольной схеме планировки своих военных лагерей. В начале V века общая площадь Помпей составляла более 65 га. Не слишком обширное пространство пересекали короткие, узкие переулки и широкие улицы. Отменной прочности мостовые были выложены лавовыми плитами и обрамлены бордюрными камнями. Верхний их слой составляли плотно притесанные друг к другу камни неодинаковой величины и формы, уложенные на цементный фундамент. При заделке мелких деталей строители применяли железные костыли или засыпку щебнем. От 3 до 9 м вымощенного пространства считалось достаточным для разъезда двух колесниц.

Покрытие 1–2-метровых тротуаров чаще выполняли из плотно утрамбованной земли, но иногда пешеходные дорожки мостили каменными плитками. Гораздо реже их делали из гипса, смешанного с толченым кирпичом. Домовладельцы-эстеты выкладывали в этой массе узоры из разноцветного мрамора или каменной крошки.

Забота о состоянии дорог входила в обязанности горожан. Каждому из них надлежало смотреть за прилегающим к дому участком, убирать мусор и в случае необходимости ремонтировать мостовую. В целом помпеяне справлялись с нелегкой повинностью, хотя работали с различной степенью усердия. Лениость отдельных граждан приводила к тому, что улицы в жилых кварталах походили на лоскутное одеяло, где безупречно вычищенные дорожки чередовались с провалами, рытвинами и вовсе свободными от покрытия участками. Известно, как власти поощряли аккуратных хозяев, но те, чьи жилища тонули в грязи, платили штраф в общественную казну.

«Повозка с бочкой для вина». Рисунок В. Классовского, 1856

По сходству с проезжей частью дороги тротуары имели покатый профиль для стока воды, направлявшейся в городскую клоаку. Пешеходы пересекали улицы по каменным пересякам. Впрочем, это требовалось только в дождливое время года или ночью, когда разрешался проезд верховым и повозкам. Подобные правила действовали почти во всех итальянских городах. Запреты не обижали и не стесняли жителей, поскольку даже избалованные

комфортом римляне привыкли передвигаться пешком или в носилках. При значительном возвышении над мостовой камни перехода не препятствовали движению колесниц. Зато помпеяне могли ходить по улице в любую погоду, не страшась замочить ноги либо испортить дорожную обувь.

Камни перехода на уличном перекрестке

По указу Юлия Цезаря городские улицы надлежало мостить в обязательном порядке, что в Помпеях было сделано гораздо раньше, вероятно тотчас после окончания Союзнической войны. Ее причиной в 90 году до н. э. послужила непримиримость населения Кампании, продолжавшего борьбу с захватчиками в то время, когда остальные италийцы покорились Риму.

В 87 году до н. э. бунтовщиков пытались усмирить войско под началом римского полководца Луция Корнелия Суллы по прозвищу Счастливый. Осада Помпей – центра восста-

ния – проводилась по всем правилам военного искусства. Защитников пытались сломить огнем, голодной блокадой, запугать таранами и стенобитными орудиями. Помпеяне боролись с большим мужеством, в итоге сумев удержать город. Римляне сняли осаду, отплыли в Малую Азию, где разбили войска Митридата, и вернулись зимой 83 года до н. э. Тогда Сулле удалось одержать победу и закрепить ее с помощью проскрипций – казней без суда и следствия. Спустя 7 лет после начала войны на землю Кампании ступили первые колонисты. Несколько сотен отставных римских воинов были награждены жильем, землей, деньгами с правом изъятия всего этого у местных жителей.

Устройством городских дел занялся родственник диктатора Публий Сулла, а сами Помпеи стали уже официально именоваться колонией. В сочинениях Цицерона содержится хвала новому правителю, якобы «свершившему благо, несовместимое со счастьем коренных помпеян». Знаменитый философ несколько преувеличил его заслуги, хотя миролюбивая политика римлян действительно имела место. Ощувив притягательную силу счастливого края, колонисты старались не обострять ситуации. С их приходом город обрел деятельных, богатых и щедрых управителей, коими являлись дуумвиры Квинкий Вальг и Марк Порций. Заняв высокую должность градоначальников выборным путем, они «на собственные деньги, в благодарность за оказанную им честь построили место для зрелищ и подарили его Помпеям». Об этом свидетельствует надпись на стене амфитеатра. Во времена римского господства был возведен крытый театр, переделаны заново старые Стабийские термы, замощены улицы с одновременным устройством тротуаров.

История крепости

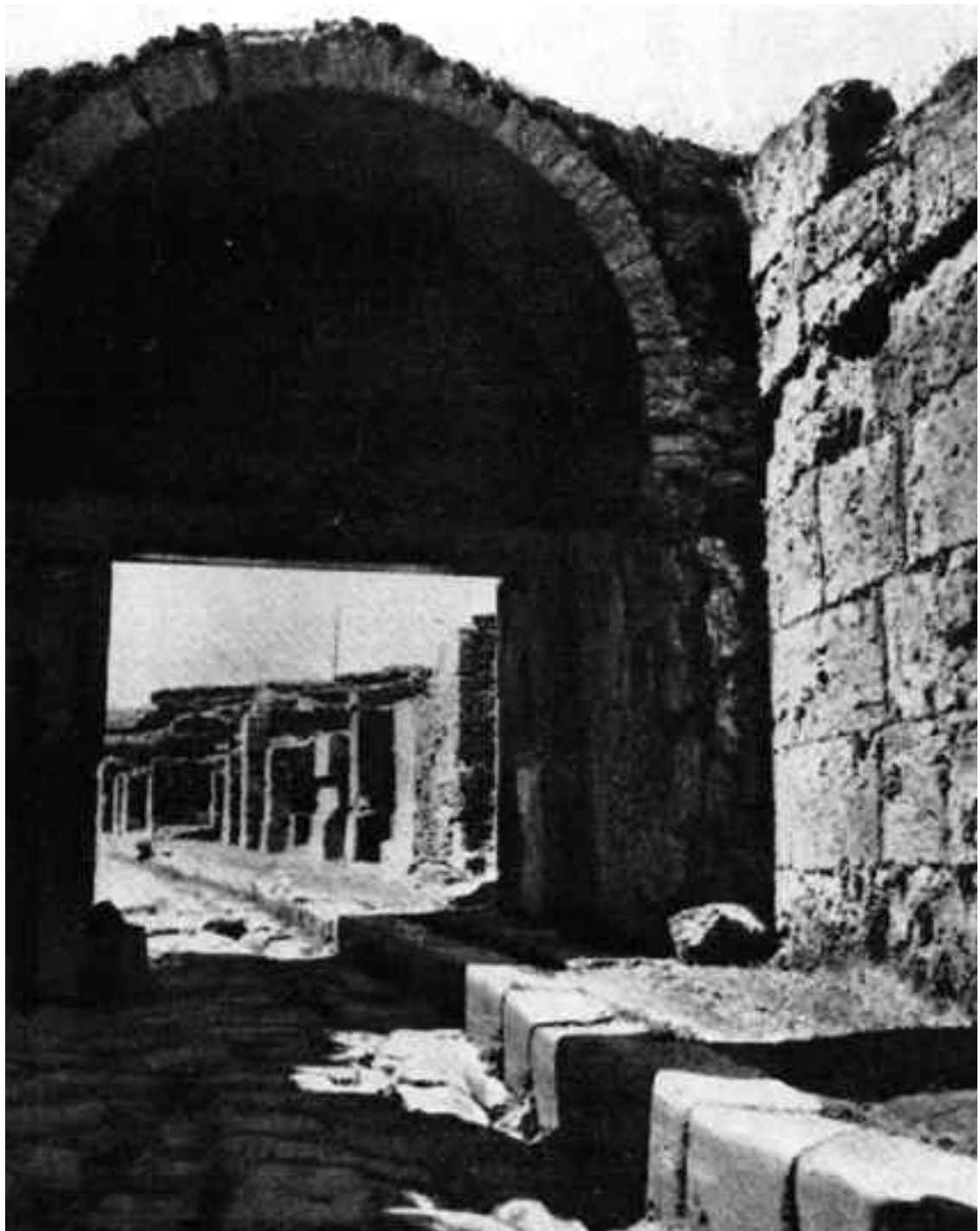
Оборонительная система в Помпеях появилась задолго до прихода Суллы. Возведение крепостной стены в 520 году до н. э. начали этруски. Судя по ее конструкции, первые строители неглубоко, но все же изучали фортификационное искусство Эллады. В ранней системе отсутствовал такой чисто италийский элемент, как вал, зато имелось мощное двойное ограждение с земляной засыпкой и выступами для размещения стрелков. Сами греки в строительстве не участвовали, иначе постройки были бы намного выше, кладка – ровнее, а материалы – качественнее.

Первым строителям явно не хватало ни средств, ни опыта; имея одинаковые размеры в высоту и толщину, стена выглядела неказисто, хотя и отличалась большой прочностью. Внешний вид сооружения портила грубая циклопическая кладка, выполненная без связующего раствора, из тесаных известняковых глыб всевозможных размеров и форм. Подобную небрежность позволяли себе одноглазые великаны и строители бронзового века, а греческие инженеры использовали квадры правильной формы, тщательно подгоняли детали, употребляя в качестве засыпки щебень.

Вид внутренней крепостной стены

Второй этап истории помпейской стены связан с пришествием самнитов. Привыкшие к прочной каменной тверди, горцы ужаснулись при виде неуклюжей приземистой ограды, готовой развалиться при первом натиске врага. Новые строители разобрали наружную стену, переложили ее заново, увеличив высоту до 8–10 м и добавив для прочности контрфорсы – вертикальные, выступавшие из стены детали, противодействовавшие ее распору. Внутренняя часть постройки осталась в прежнем виде, но была досыпана землей почти до уровня наружной. Верх плотно утрамбовали, соорудив просторную площадку, достаточную для размещения и свободного движения крупных отрядов.

Стабианские ворота

Спустя столетие самниты вновь занялись укреплением старой стены. В 280 году до н. э. сооружение опоясали наружной насыпью. Однако традиционный в итальянской фортификации вал не добавил крепости ни красоты, ни надежности. Под тяжестью земляного откоса в нижней части сооружения появились трещины, постоянно обваливалась лишенная упора изнутри верхняя площадка.

Морские ворота

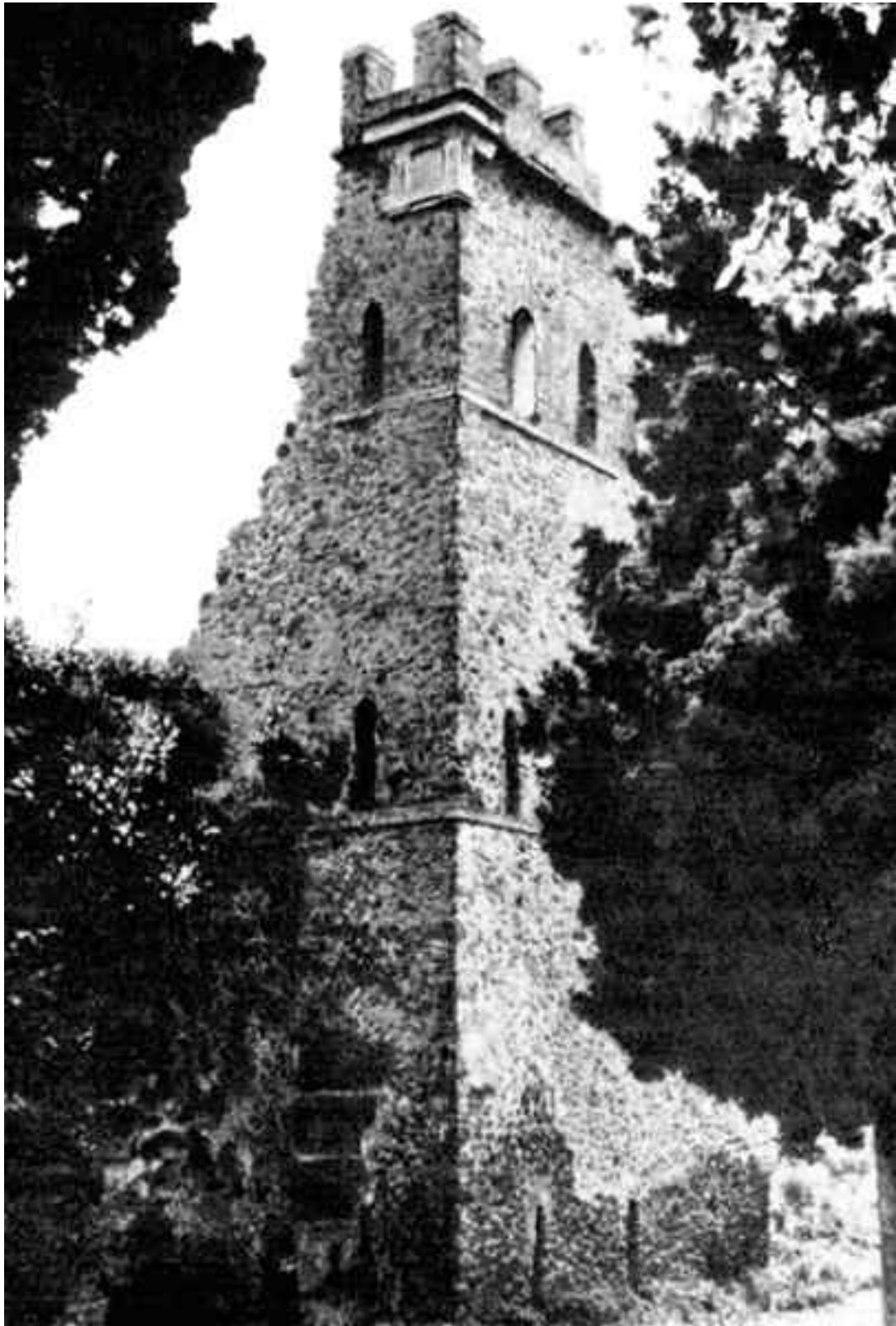
Узнав о приближении войск карфагенского полководца Ганнибала, горожане взялись за переделку стен. В 217 году их высота увеличилась за счет плит из вулканического туфа, уложенных в несколько ровных рядов. Все детали были помечены значками, которые русский путешественник В. Классовский назвал «таинственными каракульками». Ранние исследователи принимали их за каббалистические знаки. Позже выяснилось, что загадочные символы являлись метками на оскском языке, необходимыми для правильной укладки плит.

Достаточно широкая верхняя часть стены напоминала мостовую, на которой могли разминуться две колесницы. Многочисленные, хорошо укрепленные ворота были закрыты для врагов, но широко распахивались для добрых гостей. Они открывали путь на морское побережье и Геркуланум, дороги к Везувию, Капуе, Ноле, Стабиям. Кроме того, жители пользовались небольшими воротами для выхода на берег Сарно. Существование помпейской крепости, казалось, подходило к концу: она медленно разваливалась от старости, в отдельных местах кладку попросту разбирали на городские постройки. Однако старым стенам не суждено было погибнуть бесславно. Им предстояло послужить городу во время Союзнической войны и завершить свою историю с честью.

Узнав о приближении войск Суллы, жители Помпей бросились на починку полузабытых укреплений. К тому времени старая стена полностью обрушилась с запада, оставив город открытым со стороны моря. Зияющие дыры спешно заделали мелким лавовым кир-

пичом, частично заменили земляную засыпку камнем, укрепив наружную сторону контрфорсами, на этот раз обращенными внутрь. Вместе с широкими быками (промежуточными опорами) внутренней стены они сдерживали давление заполнителя, ставшего еще более тяжелым и плотным.

Тогда же на помпейских стенах появились оригинальные для своего времени элементы греческой фортификации – 12 зубчатых башен с потайными проходами для вылазок на случай опасного приближения стенобитных машин. При штурме Помпей войскам Суллы сильно помешала внутренняя стена, увеличенная в высоту на 2–3 м и ставшая выше наружной. Хитроумная конструкция скрывала цель от римских стрелков, невольно поставивших защитникам оружие, потому что стрелы не залетали в город, а ударялись о стену и падали на площадку.

Крепостная башня у Везувианских ворот

Сложный путь к укреплениям со стороны Везувия позволил проектировщикам не утруждаться устройством бойниц с безопасной северной стороны. И вновь строители обратили большее внимание на вопрос безопасности, не позаботившись об эстетической стороне постройки. Приземистые трехъярусные башни располагались хаотично, без всякого намека на симметрию, к тому же резко выступая за линию наружной стены. Например, на коротком

отрезке стены между Геркуланскими и Везувианскими воротами было 3 башни, тогда как на следующем, стратегически важном участке, вплоть до Капуанского входа, не имелось ни одной.

Стенобитные орудия римлян сильно повредили крепостную стену. Испещренная широкими пробоинами, полностью развалившаяся с севера, она осталась таковой навсегда. С водворением римлян горожане обрели надежную защиту в лице бывших легионеров и более не нуждались в оборонительной системе. История помпейской твердыни закончилась в мирную эпоху Октавиана Августа, когда стены утратили изначальную функцию, став лишь границей городской территории. Крепостные постройки постепенно ветшали и пришли в полную негодность к началу нового тысячелетия. Через несколько веков от старых стен осталась бы жалкая груда камней, но разбушевавшийся Везувий залил их лавой, накрыл пеплом, таким образом сохранив для потомков.

Городская жизнь

Несмотря на величину и богатство, Помпеи занимали не самое почетное место в иерархии городов Римской империи. Издревле процветавшие морской торговлей, они уступали другим итальянским поселениям в политической значимости. В имперские времена путь к высшим гражданским должностям открывали не личные заслуги, а связи и деньги. Многие городские фамилии гордились своими сынами, сумевшими добиться консульства в Риме, поскольку Помпеи тогда считались гнездом зловредных для империи людей.

Последствия дурной славы в полной мере ощущали местные патриции, которым высокие посты в Риме доставались с трудом. Однако большее признание обретал человек, выбранный в магистратуру на родине. По замечанию Цицерона, «легче стать римским сенатором, чем помпейским декурионом». Того же мнения придерживался Калигула, полагавший, что императору, уподобленному богу Юпитеру, вполне пристойно быть почетным дуумвиром в Помпеях.

Начало имперской эпохи в Помпеях ознаменовалось утверждением новой идеологии. Изменения в сознании, а следовательно, и в политике определялись возвышением местных фамилий. Славные представители Цельсов, Веттиев, Тегетов, Примов, Руфов, Цецилиев, Конъюнктов почитались в городе и ценились правителями Рима. Как ни странно, процветанию города способствовала не свобода, а политическая зависимость, побуждавшая к строительству величественных зданий с целью прославления императорской власти. Превосходно исполненные фрески, мозаики, статуи Помпей свидетельствуют о высоком уровне изобразительного искусства, соотносимого с культурными ценностями Ренессанса.

В древности автономные итальянские города пользовались самоуправлением. Не стали исключением и Помпеи, где городскими делами руководил общественный орган, который оски называли *kumbenieis*, римляне – конвентом, а русские могли бы назвать просто собранием. Во времена самнитов магистратуру возглавлял человек с титулом *medix*, в чьем подчинении находились эдилы и квестор, ведавший городской казной. По инициативе одного из медиксов в Стабиевых термах появились часы, была построена палестра и вымощен храм Аполлона. Поиск подрядчиков, заключение договоров и надзор за ходом работ поручались младшим магистратам.

Раздача хлеба

С приходом римлян старые порядки существенно изменились. Несмотря на утрату независимости, город сохранил самоуправление, однако новые власти следили за общественной жизнью, подавляя всякие попытки свободного волеизъявления. Вместо упраздненного медикса во главе магистратуры встали двое дуумвиров. Эту должность занимали не военачальники, а светские лица, официально избираемые горожанами. В отсутствие квестора именно они распределяли общественные средства, созывали старейшин, руководили на городских и народных собраниях, а также заключали важные договоры, следили за правильным исполнением религиозных церемоний. Кроме того, римские наместники занимались судебными делами, в частности улаживанием мелких споров, иски по которым не

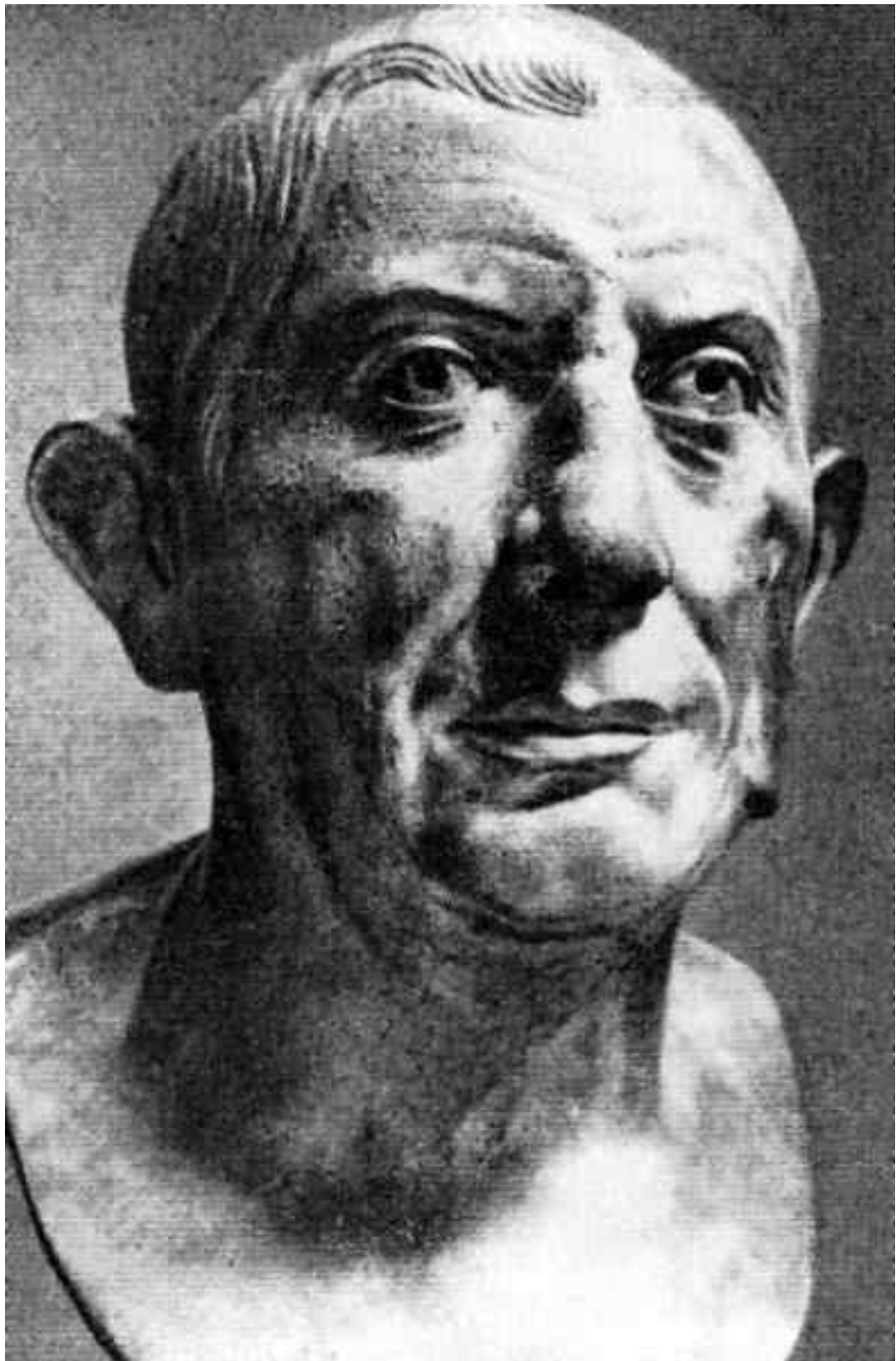
превышали установленной законом суммы. Решение сложных вопросов долго оставалось прерогативой уголовного суда в Риме.

Карьеру городского магистрата в Помпеях обычно начинали с эдила. Эта хлопотливая должность означала выполнение определенных обязанностей. Эдил заботился о снабжении города хлебом, устраивал зрелища, следил за чистотой улиц, наводил порядок в термах, театрах, наблюдал за правильностью мер и весов.

Эдилами становились члены городского совета, которые называли свои собрания сенатом, хотя официально именовались декурионами. После многих лет утомительного служения в магистратуре это звание обеспечивало власть человеку, уже имевшему богатство. Войти в совет мечтал каждый помпеянин, а воплотить желание мог только свободный гражданин с безупречной репутацией.

Вольноотпущенники допускались в декурионат только во втором поколении. Помимо чистой совести, от кандидата требовалось материальное благополучие, поскольку отцы города не получали жалованья, а, напротив, вносили в казну немалые суммы, якобы благодаря город за оказанную честь. Каждый из дуумвиров платил 10 000 сестерций при вступлении в должность, а затем регулярно демонстрировал щедрость перед избирателями, голосовавшими за него в надежде на широкую благотворительность.

После выхода закона об избрании городских глав каждый пятый год дуумвиры стали именоваться квинквенналами. По аналогии с римскими цензорами в их обязанности входило составление списков граждан с указанием имущественного ценза. Они же утверждали состав городского совета: принимали новых членов, исключая умерших и тех, кто запятнал свое имя трусостью, ленью и прочими неблагоприятными поступками. Квинквенналы занимались городским строительством, лично сдавая подряды на устройство дорог и возведение общественных зданий, подыскивали людей, способных содержать городское имущество.

Бюст Луция Цецилия Юкунда

Самым известным арендатором в Помпеях был банкир Луций Цецилий Юкунд, вольноотпущенник знатного рода Цецилиев. Бывший раб, с оттопыренными ушами, уродливой бородавкой на носу, глубокими морщинами и презрительной усмешкой на тонких губах, он пользовался уважением, несмотря на отталкивающую внешность. В одной из комнат его огромного дома на Стабиевой улице стоял денежный ящик, доверху наполненный долго-

выми расписками в виде навощенных табличек. Древние предприниматели делали записи на небольших деревянных дощечках, покрытых тонким слоем воска. Для лучшей сохранности их вставляли в деревянную рамку и связывали в пачки по 2 или 3 штуки в каждой. В качестве пишущего инструмента применялся острый металлический грифель, который тогда называли стилем.

В кабинете Юкунда однажды собралось 123 подобных векселя, хранившихся под неусыпным взором самого ростовщика, вернее, его бронзового бюста, установленного недалеко от входа в атриум. Стены соседнего помещения украшали рельефы со сценами землетрясения 62 года. Банкир арендовал сукновальную мастерскую и общественный выгон, присутствовал на аукционах, где оценивал вещи, ссужал деньгами покупателей, не забывая выгодно помещать собственный капитал.

Властный хозяин в доме, гений в денежных делах, Юкунд удивлял тягой к искусству и щедростью по отношению к городу. Впрочем, иначе быть не могло, потому что без подачек член городского совета не смог бы продержаться дольше определенного срока. Для того чтобы пробить себе место в магистратуре, городская аристократия не останавливалась перед жертвами. Накопив достаточно средств, бывшие рабы устраивали широкую предвыборную кампанию и покупали должности для детей, порой невзирая на их возраст. Декурионом Помпей мог стать даже ребенок, если его вдохновлял пример шестилетнего Цельзина, «восстановившего храм Исиды», который обрушился во время упомянутого землетрясения.

В жизни малоимущих помпеян выборы были событием чрезвычайной важности. Посещая бесплатные зрелища, принимая подарки, вдоволь вкушая оплаченный кандидатами хлеб и запивая его дармовым вином, бедняки спорили о том, кто из них менее бессовестен и более добр. Если для выдвижения в кандидаты требовалось выполнение ряда условий, то голосовать разрешалось всем жителям. Незадолго до торжественного дня Помпеи делились на избирательные участки – курии, в каждой из которых стояла урна, куда складывали дощечки с именами избранников. После подсчета голосов публике объявляли победителей в каждой курии, а затем представляли человека, получившего большинство голосов по всему городу и, следовательно, заветную должность.

Выборы начинались 1 марта и проходили в течение месяца. В первых числах апреля помощникам эдила предстояла большая работа по очистке стен от агитационных надписей. Последствием жаркой эпистолярной борьбы были исцарапанные и расписанные заборы, фасады домов, парапеты и колонны, то есть все поверхности, где могло бы уместиться желанное имя. Бумаги античный мир еще не знал, папирус и пергамент стоили дорого, поэтому электорат выражал свои настроения на стенах, делая надписи алой либо черной краской по белой штукатурке. Длинные фразы, отдельные слова, стихи и вопросы отражали атмосферу города, захваченного предвыборной гонкой. Рекомендации в избирательных афишах разделялись не только по форме. За одного кандидата могли голосовать отдельные граждане, соседи и соседки, а также коллеги, выступавшие группами или целой корпорацией.

Штукатур, подготавливающий стену для предвыборной надписи

В эти бурные дни самым востребованным специалистом становился каллиграф, услуги которого оплачивались с особой щедростью. Писец работал в паре со штукатуром, покрывавшим старые надписи слоем свежего раствора. Как и сегодня, наглядная агитация тогда

имела большое значение для победы на выборах. Вклад художников был настолько важен, что имена самых известных мастеров, например греков Онисима, Флора, Фрукта, Париса, Аскавла, Протогена, Инфантиона, вносились в надписи наряду с агитационным воззванием.

Помпейские каллиграфы прекрасно разбирались в рекламном деле. Опытный писец виртуозно компоновал надпись, используя различные художественные средства, стараясь привлечь внимание зрителя на имя кандидата. Написанная четким, красивым, крупным (до 20 см) шрифтом основная фраза зрительно выдвигалась вперед. Остальные слова выводили гораздо более мелкими, иногда не превышавшими миллиметра буквами. Узкие улочки Помпей пестрили яркими плакатами, внушая начертанные мысли, призывая, настаивая, даже заставляя отдавать голоса за того, кто затем будет проявлять заботу об этой улице и живущих на ней людях.

Общественный престиж в торговом городе, безусловно, определялся местом человека в коммерческой иерархии. Наименее почитаемыми в этой области людьми считались уличные торговцы, подобные Сатурнину или Гафиру, то есть те, кто раскладывал товар на тротуаре. Однако даже в таких случаях четко очерченное место обозначалось надписью с указанием имени хозяина. Большим уважением пользовались лавочники и владельцы домашних мастерских. В этот круг входили суконщик Верекунд, торговец скобяным товаром Юниан, булочник Бетитий Плакид, старьевщик Тигилл. Среди них несколько выделялся горшечник Зосим – предприимчивый грек, возивший свою посуду по всем городам Кампании.

Самыми видными представителями торговой братии являлись крупные негоданты, которые не довольствовались местным рынком. Давние традиции заморской торговли в Помпеях способствовали распространению кампанского товара практически по всем странам Средиземноморья. Черепица с завода Епидия покрывала дома в городах на побережье Адриатического моря. Купцов из рода Лоллиев хорошо знали на Делосе, в Сицилии. Судовладелец Марк Лукреций плавал в Египет, чаще останавливаясь в Александрии.

В деловых кругах города особенно ценили людей, вышедших из низов общества. Среди них были свободные граждане или отпущенные на волю рабы, добившиеся высокого положения собственными силами. В мастерской пигментария Секста Аттия Ампа изготавливали и продавали краски. Владея наследственным делом, он сумел прославить род и был удостоен упоминания в одном из писем Цицерона. Вольноотпущенник Умбриций Скавр – умный, но невероятно тщеславный богач, успешно торговал гарумом и тщетно пытался попасть в городской совет. Его аристократическая фамилия на самом деле происходила от греческого слова *scombros* («скупбрия»), то есть от названия рыбы, из которой на его предприятии делали пахучий соус.

Карьера невольника, как правило, начиналась в мастерской хозяина. Умный, трудолюбивый, инициативный раб постепенно становился его помощником, затем обретал свободу и заводил собственное дело. Сначала в Помпеях и постепенно по всей Италии торговля и промышленность переходили в руки вольноотпущенников. Еще недавно бывший зависимым работником, такой человек отличался изворотливостью, твердым характером, чуткостью к наживе и неразборчивостью в средствах. Страстно желая богатства и почета, он часто достигал цели, стараясь вознаградить себя за горечь рабской жизни.

Картина быта богатых вольноотпущенников, ставших ко времени правления Августа важной социальной силой империи, передана Гаем Петронием, которому приписывается 20 томов «Книги сатир». «Когда наконец мы возлегли, – писал знаменитый сатирик, – молодые александрийские рабы облили нам руки снежной водой, омыли ноги и старательно обрезают заусенцы на пальцах. Не прерывая неприятного дела, они пели не смолкая. Я попросил пить; услужливый мальчик исполнил просьбу, распевая так же пронзительно. Пантомима с хором, а не триклиний почтенного дома! Между тем подали изысканную закуску; все возлегло на ложа, исключая самого хозяина Трималхиона, которому по новой моде оставили высшее

место за столом. Посреди подноса стоял ослик коринфской бронзы с вьюками, в которых лежали белые и черные оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям были выгравированы имя Тримальхиона и вес серебра. Мы наслаждались роскошествами, когда его внесли под музыку и уложили на маленьких подушечках, что всех рассмешило.

Бритая голова Тримальхиона выглядела из ярко-красных одеяний, а вокруг закутанной шеи был намотан шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающей бахромой. На руках красовалось огромное позолоченное кольцо и почти незаметное, меньших размеров кольцо из настоящего золота, с припаянными железными звездочками. Для того чтобы выставить напоказ другие драгоценности, он обнажил правую руку, украшенную золотым запястьем и браслетом из слоновой кости. Он ковырял в зубах серебряной зубочисткой.

Подошедший вслед мальчик принес хрустальные кости на столике терпентинового дерева, где я заметил нечто утонченное: вместо белых и черных камешков были уложены золотые и серебряные динарии. Затем пришли кудрявые эфиопы с маленькими бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином, а воды никто не подал.

В суматохе упало большое серебряное блюдо: один из мальчиков его поднял, но заметив это, Тримальхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся буфетчик стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. В это время раб принес серебряный скелет, устроенный так, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол, он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы. Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши».

В молодости Тримальхион «таскал на спине бревна», но благодаря своей предприимчивости скопил немалые средства. Когда-то униженный раб, он имел множество рабов, владел большими участками земли, но из экономии ничего не приобретал в чужих лавках. В его доме производилась пурпурная и обычная серая шерсть, во дворе росли померанцы и перец, в стойлах содержались козы, бараны, мулы. Для производства аттического меда лавочник завозил пчел из Афин, выписывал из Индии семена шампиньонов.

Значительно уступая аристократам по уровню культуры, вольноотпущенники не умели красиво одеваться, окружали себя грубыми, вызывающе дорогими вещами, но стремились к совершенству, с головой погружаясь в науки. Образование и успешная карьера виделись звеньями одной цепи, желанным ключом к успеху, богатству, к утверждению личного благоденствия и процветания города, где бывшие рабы становились уважаемыми гражданами.

Улицы и дома

Первые обитатели античных поселений видели в улицах всего лишь промежутки между зданиями. Крайняя их узость объясняется историей италийских городов, изначально являвшихся крепостью, в которой дорожили каждым клочком земли. Построенные в грозные времена, Помпеи стояли на вершине холма, отчего размеры города определялись величиной плато. Со временем он разрастался, выкраивая нужные площади в границах, очерченных самой природой и закрепленных крепостной стеной.

Переулок

Возводя просторные площади, жилища и храмы, помпеяне экономили землю на улицах. Домовладельцы не заботились о красоте, потому и не стремились вытянуть их в ровную линию, то выставляя свои дома вперед, то отодвигая назад. Власти вмешивались только в крайних случаях, например таких, как слишком большой захват городской территории. Кроме того, неравномерность застройки определялась свойствами местного грунта: вынуж-

денно обходя каменные пласты, строители не желали уменьшать размеры участка и в нарушение правил отступали на чужую землю.

Прямые улицы новых Помпей были обрамлены фасадами домов с жилыми покоем на верхних этажах и торговыми заведениями на нижних. Почти на каждом перекрестке имелись фонтаны, снабжаемые водой из общественного водопровода. Отличаясь крайне простой архитектурой, источники радовали глаз изысканным декором: выточенными из камня изображениями животных, ликами и атрибутами богов. Иногда скульптура соответствовала названию улицы или самого фонтана.

Помпеи были большим оживленным городом; по вечерам городской шум стихал и жители могли наслаждаться более романтическими звуками. После утомительной дневной суеты дивной музыкой воспринималось журчание фонтанов, плеск воды в бассейнах и едва слышный шорох струящихся по земле потоков.

Уличный фонтан

На некоторых улицах стояли алтари различной формы, украшенные живописью, лепниной, затейливой вязью надписей. Жертвенники обычно посвящались богам – покровителям дороги, которых особенно ценили в народе и потому щедро одаривали плодами, цветами, свежей зеленью, ветками маслин. Долгий мир и требования римских властей заставили помпеян отбросить мысли о защите от неприятеля и обратить старые крепостные стены в места прогулок. На месте разрушенных укреплений приморской части были построены дома с балконами, галереями, ложами, где хозяева отдыхали, наслаждаясь прекрасным видом на Кумский залив.

В целом частные дома в Помпеях представляли собой сооружения не слишком привлекательной архитектуры. Каменные многокомнатные особняки богатых граждан, как знати, так и вольноотпущенников, почтительно именовались *domus*. Обиталища бедняков называли знакомым современному человеку словом *taberna*, но в древности этот термин означал не закусочную, а убогое жилище, наспех сколоченное из досок.

Оказавшись на улице античного города, наш современник наверняка бы устал от созерцания унылой картины сплошных каменных заборов. Серые здания выглядели повернувшись к человеку спиной словно для того, чтобы защитить хозяев от звуков и нескромных взоров. Теплый климат позволял обходиться без окон, а дороговизна стекла препятствовала широкому его применению. Изредка в стенах пробивали узкие щели либо просто дыры. В имперскую эпоху нечто напоминавшее окна, хотя и без стекол, устраивали только на верхних этажах.

Растянутые вдоль двора дома выходили на улицу глухими торцевыми стенами, на которых отсутствовали номера, зато имелись имена владельцев, написанные на камне красной или черной краской. Большое количество родственников и знакомых делало жизнь богатого человека слишком открытой, о чем можно судить по устройству древних итальянских жилищ.

Особняк знатного горожанина по архитектуре напоминал деревенскую усадьбу. Плотнo сомкнутые постройки располагались вокруг двора, образуя сплошную стену, прерывавшуюся в местах входа и въезда. Над жилым домом, хлевом и многочисленными сараями устраивался примитивный портик – деревянный навес на столбах, защищавший строения от дождя и солнца. В городах традиционная планировка дополнилась более практичными и красивыми элементами. Беспольный в новых условиях большой двор уменьшился в размерах, но сохранил прямоугольную форму и обрел легкую крышу с проемом, преобразившись в жилое помещение. В результате медленного развития сформировался план типичного итальянского дома, куда входили жилые комнаты и хозяйственные постройки, огибавшие комплекс по всему периметру, крытый двор (атриум), примыкавший к нему внутренний балкон (таблинум).

Улица, ведущая к Стабианским воротам

Как в сельских, так и в городских усадьбах, по обыкновению, не имелось уединенных комнат. Дом напоминал улей, а его обитатели невольно погружались в хозяйственную суету, не имея возможности отдохнуть от гула голосов и шарканья подошв. Под влиянием греческой культуры в Италии распространился культ образованной личности. Подражая покоренному народу, знатные итальянцы не замыкались в семье, не ограничивали свою жизнь государственными делами или заботой о материальном благополучии. Они интересовались литературой, историей, философией, искусством, пусть даже только для того, чтобы вести ученые беседы в кругу друзей. Осознавая свое право на личную жизнь, хозяева начинали ее устройство с перестройки дома. Впрочем, старое жилище оставалось в прежнем виде, но к нему добавлялись более удобные и красивые помещения в эллинском духе.

Дом с висячим балконом

Главным помещением италийского жилища издревле считался атриум (от лат. atrium – «почерневший от копоти»). Так италийцы называли закрытый внутренний двор, соединявшийся с остальными помещениями дома. На его форму повлияла история Рима, где в пору основания имелась культовая яма, особенно популярная у приезжих, которые бросали в нее горсть земли с родины.

Своеобразно повторяя древнюю модель, в атриумах собирали дождевую воду. Небесная влага попадала в дом через прямоугольное отверстие посередине крыши – комплювий (от лат. compluvium – «стекать») и проливалась в неглубокий четырех-угольный бассейн под названием имплювий (от лат. impluvium – «водосток»), отдаленно напоминавший культовую яму в Риме. Редкая в средиземноморских странах дождевая вода считалась священной. Даже с появлением водопровода помпеяне продолжали ее собирать, бережно сберегая в особых цистернах, устроенных под полом атриума.

Ключи от помпейских домов

В этрусскую пору немного поодаль от бассейна располагался очаг, сложенный так, чтобы дым беспрепятственно выходил наружу, но само устройство не заливалось водой. Тогда крытый двор служил одновременно столовой, комнатой отдыха и молельней. Крышу так называемого этрусского атриума поддерживали не колонны, а массивные балки. Во избежание пожара верхнюю часть строения поднимали на большую высоту и укладывали скамьями внутрь, чтобы дождевая вода попадала в имплювий.

У древних римлян наполненный звуками женских голосов атриум служил символом домашнего мира, тепла, уюта, довольства. С философской точки зрения он играл роль мирового столпа, объединявшего римский дом с небом и подземным царством. Не случайно здесь хранились самые ценные вещи: сундук с семейными реликвиями, жертвенный стол и шкаф, куда складывали различные культовые предметы, например восковые маски предков, статуэтки ларов и пенатов – добрых духов, покровителей дома.

Если представить жилище царством хозяйки, то атриум можно назвать тронной залой, где происходили самые важные семейные события. Здесь правительница не только распоряжалась, но и работала вместе с дочерьми и служанками, готовила еду, накрывала на стол, создавая для домочадцев прекрасные условия для отдыха. С распространением греческой культуры в доме появилась кухня, хозяева ушли в отдельные комнаты, куда затем переместилась жизнь семьи.

Типичный помпейский дом заключал в себе атриум и примыкавшие к нему комнаты, предназначенные для сна и работы. Последние иногда использовались в качестве служебных, но в этом случае окна и двери выходили на улицу. Хозяин мог расположить в них пекарню, маслодавальню, красильную или сапожную мастерскую, гостиницу либо питейное заведение. На рубеже тысячелетий в таком использовании жилого пространства не виделось ничего необычного.

В роскошном особняке Пансы, расположенном в элитном квартале Помпей, харчевни сдавались под квартиры. Арендованные комнаты имели отдельный выход на улицу, хотя итальянцы не стремились к изолированности. В одном из римских законов нашла отражение казусная ситуация, когда некоему «Олимпику завещатель при жизни отказал жилое помещение и житницу, находившуюся в доме, где имелись сад и столовая на втором этаже, не принадлежавшие Олимпику. В сад и в столовую доступ был только из дома; спрашивается, обязан ли Олимпик предоставить остальным наследникам право прохода в сад и в столовую?». Такое положение можно объяснить перенаселенностью города, но справедливее отнести его не к жилищному кризису, а к традиции, укоренившейся в памяти народа и ставшей принципом восприятия жилой среды.

Немаловажная часть помпейского дома описана ученым-энциклопедистом Варрона: «Зимой и в холода семья обедала у очага; в летнее время ели на открытом воздухе, крепостяне во дворе, а горожане в таблинуме, под которым следует понимать балкон, сделанный из досок». Упомянутое помещение представляло собой нечто среднее между балконом и верандой. С атриумом его соединял проем без дверей, изредка прикрывавшийся занавесом.

В итало-греческом доме таблинум утратил характер веранды, зато получил более изящное убранство: мозаичные полы, невысокий парапет или широкое окно, открывавшее вид на перистиль – залитый солнечным светом уютный дворик с миниатюрным садом, цветниками и фонтаном. Богато отделанный, украшенный произведениями искусства перистиль

примыкал к покоям новой, эллинской половины дома, предназначаясь для отдыха души и тела. Сюда допускались только родственники или друзья, в беседах с которыми человек предавался столь ценимому римлянами деятельному досугу.

Атриум отражал деловую сторону жизни, то есть мир, где главное место отводилось службе, гражданскому долгу, почитанию старины и прежних нравов. Перистиль вводил в мир досуга, меньше всего связанного с родной историей или гражданской общиной. Легкомысленный вид чужеземного дворика освобождал от забот и погружал в фантастические мечты.

Перистиль в доме Веттиев

Мрачный, старинный атриум уже не использовался для общения с близкими, оставаясь подходящим местом для официальных приемов. В полутемном душном помещении хозяин заполнял счетные книги, принимал управляющих, вел деловые переговоры. Оказавшийся внутри дома таблинум использовали в качестве кабинета и приемной для нежеланных гостей, рабов, просителей или жалобщиков. Здесь же хранился семейный архив, который сын «принимал от отца, считая великой обязанностью передать его своим потомкам как отцовскую святыню». Позже в этой части здания появился коридор, по которому из атриума в перистиль можно было пройти, не беспокоя хозяина.

Если средний итальянский дом состоял из 6–8 помещений, то в Помпеях ощущался гораздо больший размах. В усадьбах местной знати имелось до 40 комнат, причем многие из них приспособлялись ко временам года. Легкие шторы, большие оконные проемы зимних столовых и спален беспрепятственно пропускали солнце. Летом от палящих лучей спасали просторные, но мрачноватые комнаты без дверей.

Спальни в старых помпейских домах располагались рядом с атриумом. Ниша для супружеского ложа устраивалась в узкой комнате, оборудованной высокими дверями. Огромную кровать и тесное пространство, которое она занимала почти целиком, называли одним словом – кубикула. Самниты довольствовались тесным помещением, где едва умещалось одно большое ложе. В итало-греческих особняках спальня сливалась с перистилем. Эффекта объединения внутренней комнаты и сада достигали посредством двустворчатых

дверей. Летом их распахивали во всю ширину, а зимой закрывали наглухо и пользовались небольшими боковыми проходами. В холодное время года полы кубикул устилали мягкими смирнскими коврами. Небольшие прикроватные коврики привозили из Александрии, где эти пушистые изделия расшивали узором с зелеными листьями лотоса. Окна завешивали тяжелыми или легкими полупрозрачными шторами из персидского шелка. Во многих домах спальне предшествовала тесная прихожая, где спал раб-охранник.

В записках русского путешественника Алексея Левшина рассказывается о будуаре помпейской матроны, некогда проживавшей в усадьбе недалеко от Геркуланских ворот. «На возвышении стояла бронзовая кровать, – писал он, – стены покрывали фрески, подчеркивавшие прелесть таинственного убежища красоты». Помимо металла, для изготовления спального ложа употребляли слоновую кость, украшая светлый материал инкрустацией из драгоценных камней: ониксов, рубинов, топазов, смарагдов.

Любая богатая горожанка начинала свой день с принятия ванны, окруженной цветущими деревьями и распустившимися цветами. Посреди домашнего парка стоял фонтан со статуями дельфинов, пускающих из ноздрей чистые прохладные струи. Иногда водружали мраморных наяд, у которых вода изливалась из груди. Если не возникало желания принять ванну, рабыни приносили умывальник с душистой водой. Хозяйка опускала в нее руки, затем вытирала их волнистыми волосами девушек. Закончив омовение, изнеженная красавица наступала на пушистый ковер и подходила к серебряному зеркалу, давая знак к началу туалета. Рабыни протирали тело госпожи молоком ослицы и благовонными мазями, подавали белила, румяна, черную краску для волос, гребни, щетки, накладные косы, брови, а в старости и зубы. Стан ее обвивали драгоценными тканями, руки, шею и голову украшали кольцами, браслетами, ожерельями.

Одежда римской женщины скреплялась множеством булавок и пряжек, дополнялась талисманами, часто с изображением непристойных сцен. Во время одевания матроне читали хвалебные оды, стихи поклонников, записки от приятельниц. В то же время приближенная к госпоже рабыня поливала цветы, заменяла увядшие растения свежими и сообщала новости. В столовой хозяйку ожидал домашний философ, в обязанности которого входили отчеты о новых книгах, рассказы о прошедших и будущих представлениях, общественных собраниях и модных новинках.

Спальню одной помпейской женщины покрывал мозаичный пол, собранный из кусочков стекла настолько искусно, что в них отражалась игра пламени от свечей канделябра, подобного светильнику из дома Корнелия Тегета. Его основанием служила статуя в виде эфеба, отнесенная к шедеврам античной пластики и предположительно созданная греческими мастерами V столетия до н. э. Сами италийцы придавали светильникам форму развесистого дерева или уродливой фигуры силена.

Канделябр из дома Корнелия Тегета

В просторном помпейском жилище находилось место для ларов – покровителей дома. Без этих духов не мыслилась жизнь ни простого, ни царственного италийца. Римляне не стремились к познанию своих небожителей, а те, в отличие от греческих богов, не спускались на землю, не являлись непосредственно, даже если хотели от чего-либо предостеречь. Люди сами отстраняли их от себя, почитая не конкретного бога, а некое возвышенное начало,

заключенное в неземных существах. Осторожность соблюдалась и в молитвах, произносимых примерно так: «Великий Юпитер или если тебе угодно называться другим именем...». У алтаря считалось достаточным произнести фразу «Богу или богине, мужчине или женщине...», а тот, к кому обращались, сам решал, как распорядиться жертвой. В течение всей процедуры человек держал голову закрытой плащом, словно опасаясь увидеть бога, если он вдруг пожелает принять подарок лично.

Богопочитание у римлян сводилось к внешней стороне культа. Особенно важным считалось время исполнения обрядов, ведь неурочная молитва, равно как неуместная или не вовремя принесенная жертва, грозила божественным гневом. Знания подобного рода черпались из книг, где, наряду с текстом всех известных молитв, содержались указания на порядок проведения религиозных церемоний. Формальности действительно соблюдались, иначе процедура лишилась бы смысла.

С ларами – наиболее чтимыми на Апеннинских божествами – делились горем и радостью, к ним обращались в будни и праздники, в дни знаменательных для семьи событий. По древнему обычаю, полагалось молиться после выздоровления, при отъезде, по возвращении домой, в дни рождения, свадьбы, совершеннолетия. Стихотворцы могли читать молитвы собственного сочинения. Знаменитый своими деревенскими элегиями поэт Альбий Тибулл, отправляясь на войну, произносил следующее:

«Лары отцов, храните меня! Вы вскормили ребенка,
Крошкой был я тогда, бегал, играл подле вас».

Ларов задабривали едой, раскладывая продукты по крошечным тарелкам, которые во время обеда ставили на очаг, а затем бросали в огонь. Сама комната – сначала атриум, затем кухня – содержалась в чистоте; свежий венок лежал на печи, вблизи которой стояли алтарь и простые, грубо выточенные из дерева изображения богов.

Храмовые жрецы обращались к богам в присутствии нескольких помощников, следивших за правильностью произносимых фраз. Тишину в зале обеспечивал... трубач, который дул в трубу так сильно, что ее звуки заглушали не только ропот толпы, но и слова самого жреца. В домашней обстановке молящемуся помогали родные. Помпейский ларарий представлял собой квадратную, четырехугольную или полукруглую нишу с арочным сводом. В богатых домах в ней ставили небольшую часовню с пьедесталом, колоннами и двускатной крышей. Бедняки молились изображениям ларов, а граждане средней обеспеченности дополняли их алтарем, куда ежедневно клали цветы, еду, где зажигали ладан и совершали обрядовые возлияния.

Ларарий в доме Веттиев

По аналогии с божественной отрешенностью от семьи отдалялся основатель рода, которого возводили в ранг гения дома и почитали наряду с ларами. Его скульптурный портрет, обязательно походивший на оригинал, стоял в культовой нише в окружении цветов и подарков. Большинство помпеев молились на бюст живого хозяина, а у Веттиев гением дома был здравствующий император Нерон.

После отделения от атриума кухни переместились в заднюю часть дома, в подвалы, иногда под них отводили постройку во дворе или комнаты верхнего этажа. В последнем слу-

чае кухня становилась проходной: в ней находилась единственная в доме лестница. Небольшое (до 15 м²) помещение в форме трапеции или вытянутого прямоугольника не использовалось в качестве столовой, и потому хозяйки спокойно загромождали кухни печами, очагами, мебелью и утварью непривлекательного вида. Помимо всего этого скарба, здесь располагался бассейн со стоком для грязной воды, для удобства соединенный с уборной. Устроенные в ближайшем коридоре чуланы заполняли провизией: бутылками с маслом, кувшинами с каштанами, финиками, изюмом, фигами, амфорами с вином.

Домашняя утварь

Помпейские хозяйки работали в полутьме: свет едва проникал через внутренние окна или отверстие в крыше. Гораздо лучше освещалась столовая, которую в старину называли триклиний (от греч. *treis* – «три» и лат. *cline* – «ложе») и размещали рядом с таблинумом. В эпоху империи богатые семьи обедали в комнате с колоннами, именуемой греческим словом *oikos*. Устроенные в ней широкие створчатые двери предоставляли возможность любоваться зеленью перистилля. Значительную часть этого помещения занимала мебель – круглый стол и три ложа, чаще установленные на квадрат мозаичного пола.

Древние итальянцы кушали сидя, но с приходом греков непочетное право сидеть во время еды сохранилось только за женщинами и детьми. Мужчины имперской эпохи возлежали за низким столом. На пирах супругу могла заменить распутная женщина, которой, в отличие от матроны, лежать разрешалось. На обычную семейную трапезу приглашали не более 9 человек (по числу муз), но не менее 3 (по числу граций). Столько же гостей располагалось на одном ложе.

С тех пор как на римском банкете
Двенадцать богов пировало,
Меж ними был также Цезарь.
И каждый из них
Небесному блюду предался.

В стихах анонимного поэта сказано о роскошных пирах, которые давал император. В Помпеях торжественные обеды устраивались в доме Саллустия. Хозяин – известный далеко за пределами города эпикурец, поклонник Венеры, любитель красивых вещей – жил в здании, расположенном по Дороге гробниц, владея гостиницей и хлебопекарней. Несмотря на низкий социальный статус, он отличался изысканным вкусом. На романтические вечера к булочнику приходили только по приглашениям. Во время отменных обедов люди отдыхали, не утруждаясь выполнением правил, которыми благочинные хозяева украшали стены своих триклиниев:

Ноги, мальчик, водою омой и досуха вытри,
Дай салфетки гостям, наши платки береги.
Взор на супругу чужую не смей кидать похотливый,
Ласков с нею будь: скромно себя ты веди.
Будь приветлив с соседом, и прочь ненавистные ссоры!
Если не можешь, шаги к дому обратно направь.

Триклиний в доме с назидательными надписями

Подобно римлянам, жители Помпей считали себя представителями единственной на земле цивилизации. Будучи превосходными риторам, театрами, поэтами и учеными, они не всегда прилично вели себя за столом, отчего такие надписи часто приходились кстати. В сочинениях Катуллы сказано о пирующем, таскавшем салфетки у спящих сотрапезников. Поэт Марциал уточнял, что некоторые личности прятали эти предметы за пазухой.

Посетители дома Саллустия собирались в длинном триклинии, вдыхали аромат благовоний, выпивали немного вина, читали предобеденную молитву, омыли руки чистой водой. Проложив необходимый ритуал, они усаживались за стол, стараясь не нарушать иерархии. Для самых уважаемых предназначалось консульское, или среднее, ложе под названием *lectus medius*, где располагались с друзьями или слугами. Почетному гостю отводилось место с краю, рядом с хозяином, который возлежал на *lectus imas* – нижнем ложе.

Стены столовой украшали не надписи, а фрески вольного содержания. Взор гостей ублажали нагие вакханки в соблазнительных позах, купальщицы, подглядывающий из-за кустов Актеон, которого на другой картине разрывали собаки в наказание за любопытство.

Повар булочника набирался опыта на Сицилии, славившейся своими превосходными кулинарами. В начале обеда на стол подавали рыбные блюда: жирных прудовых мурен, камбалу или загадочную рыбу, любимую богами Олимпа, которую итальянцы называли «юпитеровым мозгом». Мясные блюда готовили из копченых ног верблюда, филейных частей африканского осла, ароматических кроликов, жаркого из удушенного поросенка, густо приправленного асафетидой. Чаще всего приготавливались блюда из диких кабанов и коз, молодых собак, лисиц, которых перед закланием откармливали виноградом. Фазаны в Италии были редкостью, зато в изобилии имелись чудесные каплуны, гуси, павлины, журавли.

Крупных цыплят подавали утопленными в вине, а жареный страус плавал в соусе из собственных мозгов.

Гостям предлагали множество разнообразных закусок. Вышеупомянутый Тримальхион угощал гостей жареными сонями с приправой из мака и меда, горячими колбасками на серебряной решетке, лежавшими на сирийских сливах и гранатовых зернах. В качестве застольной шутки подавали блюдо с огромной невыпотрошенной свиньей, занимавшей почти весь стол. Повар с притворной печалью заявлял, что забыл выпотрошить свинью, не положил перца и тмина. Затем он по приказу хозяина забирался на стол и, вооружившись ножом, дрожащей рукой резал животное крест-накрест, и гости видели, как из прореза градом сыпались кровяные жареные колбаски.

«Иногда на огромном блюде, – рассказывал Петроний, – лежал изрядной величины кабан с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с карийскими, другую с фиванскими финиками. Вокруг кабана клали поросят из пирожного теста, и они выглядели присосавшимися к вымени. Огромный бородач в тиковом охотничьем плаще, с обмотками на ногах, вытаскивал охотничий нож, с силой тыкал кабана в бок, и тогда из разреза вылетала стая дроздов. Рабы брали из зубов кабана корзиночки с финиками обоих сортов и раздавали фрукты пирующим. Между тем я, лежа на покойном месте, долго ломал голову, стараясь понять, зачем кабана подали в колпаке?»

Во всех помпейских домах посреди стола неизменно ставили самое ценное из морских блюд – рыбный соус *garum*, представлявший собой сукровицу разлагающейся рыбы. По заверению историка Плиния, только благовония стоили дороже этой жидкости: за 2 конгия (около 7 л) платили 1000 сестерций. Марциал именовал его «горделивый гарум» и считал самым «дорогим даром Тирренского моря». Пахучий соус разливали в высокие (до 0,5 м), удлиненные кувшины с узким горлышком и одной ручкой. Без него не обходился ни один званый обед или парадное угощение. В Помпеях производством этого необычайно популярного продукта занимались сотни людей.

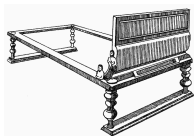
Несложное приготовление гарума требовало только времени. Наиболее ценный его вид приготавливали из макрели. Выловленную в заливе рыбу густо засаливали в чане и держали на солнце около трех месяцев, постоянно перемешивая. После того как засол превращался в тягучую массу, в него осторожно опускали корзину мелкого плетения. Постепенно набиравшаяся в нее жидкость собственно и являлась знаменитым соусом. Особо изысканный гарум получался из скумбрии, засоленной вместе с внутренностями, жабрами и рыбной мелочью. Для этого вида требовался специальный кувшин с отверстием в дне, через которое в течение двух месяцев стекала драгоценная влага.

Среди множества сортов гарума наиболее известными были следующие: чистый, с примесью вина, уксуса или воды и постный, приготовленный из рыбы с чешуей. Последний изобрели евреи и часто употребляли в качестве главного угощения на религиозных праздниках.

Помимо дорогостоящего гарума, участники пира могли заказать экзотические блюда, например выращенных в садках устриц, морских пауков, земляных улиток или обжаренных в масле кузнечиков. К таким закускам подходило традиционное кампанское вино, не самое лучшее на вкус, но щедро дополненное пряностями. В Помпеях женщины предпочитали напитки с запахом розы и фиалки. Мужчинам больше нравилось вино с медом и ароматическими травами. В конце вечера для спокойствия в желудке пили вино с морской водой, а зимой со снегом, доставлявшимся с горных вершин.

После того как опустошалась чаша, пущенная по кругу царем пира, один из сотрапезников произносил тосты в честь небожителей и земных властей, наиболее чтимых предметов и явлений, а также предлагал выпить за здоровье присутствующих. Спиртного на пирах

полагалось пить очень много, иначе человек рисковал выказать неуважение к богам, в честь которых устраивалось обильное возлияние.

Ложе для триклиния, инкрустированное серебром и бронзой

Такие обеды проходили в сопровождении оркестра и танцев восточных рабынь. Под утро разгоряченные гости начинали собственный спектакль: пели, читали стихи, импровизированные гимны. Те, чьи ноги не утратили способности двигаться, пытались танцевать, часто падая без сил после первых телодвижений. В то время как молодые развлекались под звуки музыки, люди постарше удовлетворяли свою страсть в азартных играх. Помпеяне слыли прекрасными игроками в кости, но среди них было немало шулеров. Приезжие об этом знали и опасались ставить на кон большие суммы.

Все пировавшие в триклинии дома Саллустия видели перспективу искусно расставленных цветов и деревьев, в зелени которых скрывались мраморные и бронзовые статуи. В нескольких шагах от столовой находился фонтан, служивший не только для улады, но и для пользы: в него складывали бутылки с вином и виноградным соком, сохраняя напитки прохладными в течение всего обеда. Помпеяне ценили материальную сторону жизни превыше всего и никогда не упускали случая насладиться ею. Фонтаны являлись одним из средств получения удовольствия и потому устраивались не только в домах, но и на площадях и улицах города.

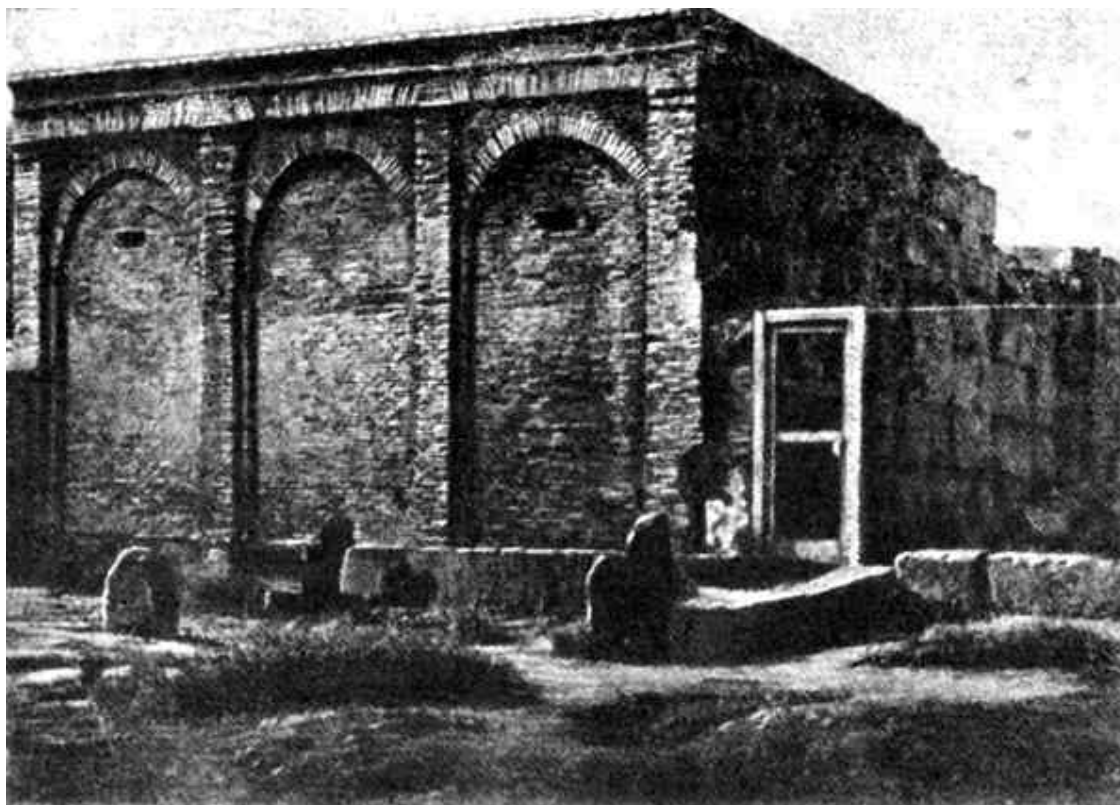
Водоснабжение

Расположение на холме из окаменевшей лавы давало городу много преимуществ, но с водой здесь всегда было плохо. Люди собирали дождевую влагу в цистерны, а позже рыли колодцы, устройство которых в твердом напластованном грунте требовало огромных усилий и немалого технического мастерства. Впрочем, выражение «рыть колодец» не совсем подходит для Помпей, где скважины прорубали на глубину до 40 м.

Строительство первых водозаборов началось в III веке до н. э., когда в городе уже имелись оборонительные сооружения. Один из них, возможно самый древний, располагался у Везувиевых ворот. Его верхняя часть уходила в 15-метровую толщу лавы, состоявшую из породы такой крепости, что пробить стенки прямо по отвесу не представлялось возможным. Оттого жерло колодца немного расширилось книзу, далее проходя сквозь толстые слои пепла, смешанного с мелкими камнями. На глубине 25 м начинались пласты желтого и серого туфа – довольно мягкой породы, позволявшей не только выпрямить стенки, но и отшлифовать их резцом. Через 10 м появлялась вода, которую помпеяне добывали с глубины, приблизительно равной высоте шестиэтажного дома. Похожее устройство имел общественный колодец у Геркуланских ворот, так же как все публичные водозаборы, обнесенный каменной стеной и покрытый сводчатой крышей.

В самом мелком из городских колодцев вода находилась на уровне 21,75 м. Человеческий труд на такой глубине, особенно в вулканической подпочве, представляет большие трудности. Даже сейчас обследованию мешают ядовитые газы, с которыми ведут борьбу посредством вентиляторов, но в большинстве случаев это помогает мало. Когда удушающее зловоние становится невыносимым, работы, как правило, приходится прекращать. Гидростроители Помпей были умелыми мастерами, сумевшими подчинить своей воле камень, избежать опасности «дурного воздуха» и в итоге тяжелого труда получить желанный результат.

К сожалению, вода из городских колодцев не отличалась высоким качеством. Свободная от бактерий и вредных химических элементов, она была слишком жесткой, содержала много солей, имела кисловатый вкус и неприятный запах. Чтобы избежать проблем со здоровьем, ее можно было пить изредка, ежедневно употребляя лишь для стирки или полива, что в Помпеях осознали к началу I века до н. э. В то время, когда в Риме более двух столетий действовала городская система водоснабжения, в Кампании приступили к устройству ее первой части – большого акведука, призванного подавать воду от Нолы к Неаполю, Путеолом и далее на запад. Помпеяне воспользовались случаем и отвели линию себе в город, назначив место вхождения примерно в районе Везувиевых ворот.

Водораспределительная башня castella

Отдельные детали старого водопровода сохранились до нашего времени, позволив представить его в первоначальном виде. Подававшаяся по желобам вода требовала очищения, что производилось в водораспределительных башнях. Римляне называли такие сооружения *castella* («маленькая крепость»).

Уединенные постройки без окон, с толстыми стенами из крупного камня действительно напоминали укрепления. В больших городах они отличались роскошной отделкой, огибались широкой мостовой и снабжались металлическими трубами. В Помпеях *castella* представляла собой простое, невыразительной архитектуры здание с потолком в виде купола. Единственное помещение скудно освещалось двумя узкими окнами. Треугольный водоем с дугообразным основанием и перфорированными перегородками из свинца принимал воду из канала. Поток сливался по ступенькам и падал в бассейн, проходя через фильтры – отверстия в пластинах, которые задерживали грязь и мусор, попадавшие в воду на протяжении длинного пути из Нолы.

Фрагмент линии водопровода

Из водораспределительной башни чистая, свежая вода направлялась к Стабиевой улице и переулку у дома Веттиев. Вода подавалась в город под значительным давлением. Его могли выдержать трубы овального сечения, изготовленные из толстого свинцового листа. Пластины сгибали до формы цилиндра, спаивали края, получая немного сжатый полый цилиндр с толстым валиком по линии спайки. Водопровод складывался из множества тру-

бок, скрепляемых непосредственно при укладке в ров. Для большей прочности места спайки прикрывали толстыми свинцовыми кольцами. Трубы наибольшего диаметра обязательно подписывали, указывая имя изготовителя или магистрата, наблюдавшего за работами. Принадлежность к городской сети удостоверялась штампом с надписью: «Для общественного пользования помпеян».

Для снижения давления в трубах воду поднимали на высоту до 6 м. Перед подачей в уличные резервуары она проходила через распределительные колонки – кирпичные, тщательно оштукатуренные столбы с выемкой для трубы и свинцовым резервуаром на вершине. Похожие устройства доныне действуют в крупных городах Ближнего Востока, например в Константинополе. Это позволяет предположить, что итальянцы заимствовали секрет водораспределительной системы у арабов.

С появлением гидросооружений отпала необходимость в старых колодцах. Во времена правления Августа на каждом перекрестке стояли небольшие прямоугольные бассейны с низким (не более 0,5 м) ограждением из лавовых плит, скрепленных между собой металлическими скобами. Вода день и ночь струилась через отверстие в стояке, а ее излишек вытекал на улицу.

Все городские резервуары имели стандартную форму и были сложены из единого материала – вулканической лавы; изредка использовался туф, и только водоем недалеко от Морских ворот украшали мраморные плиты. Неоригинальную работу строителей дополняли художники, оформлявшие каждый водоем по заказу жителей улицы или владельцев дома, вблизи которого он располагался. Грязно-серые плиты отделывали затейливым узором, пластическими портретами выдающихся особ, изображениями мифологических героев: Меркурия, Медузы, спящего силена.

Отверстие для стока воды чаще обрамляли мордой быка. На барельефе бассейна, стоявшего рядом с продуктовой лавкой, был изображен орел с зайцем в клюве, а вода лилась из заячьей пасти. Неповторимым изяществом отличалась скульптура водоема, где художник запечатлел петуха. Мраморная птица в стремительном беге опрокинула кувшин, из горлышка которого била мощная струя.

Источник у Морских ворот был одним из самых посещаемых в городе: края кувшина стерлись от касания тысяч губ так же, как углы стояка сгладились от прикосновений рук, когда-то на них опиравшихся. По центральным кварталам Помпей бродили толпы народа, среди них было немало приезжих, которым, безусловно, требовались уборные. Общественные туалеты являлись обязательной принадлежностью любого итальянского города. Гости и жители Помпей посещали уборные на форуме и Ноланской улице, в общественных банях и театрах.

В них не было роскоши, отличавшей подобные заведения в Риме или в амфитеатре североафриканского города Тимгада, – мраморных стульчаков-кресел, статуй, живых цветов.

Помпейские туалеты представляли собой тщательно убранные комнаты прямоугольной формы с сиденьями вдоль стен. Попадая в глубокий канал, нечистоты смывались непрерывно текущей водой. В Стабиевых термах обильно лившиеся из четырех труб потоки уносили продукты человеческой жизнедеятельности в сточную канаву. Клоака входила в сеть городской канализации, которая в южных областях предназначалась в первую очередь для отвода дождевой воды.

Так же как и водопровод, канализация имелась во многих городах Древней Италии, не исключая таких захолустий, как Атина. В Помпеях ее провели римские колонисты, устроив по подобию столичной сети. Владельцы частных домов прокладывали второстепенные линии из своих усадеб. К основному каналу присоединялись боковые ветви, проходившие обычно под тротуарами. Значительная часть уборных связывалась не с канализацией, а

с примитивной системой выгребных ям. В этом случае дождевую воду принимали подземные стоки.

Материалы и предметы быта

Несмотря на смешение стилей, новые дома в Помпеях не являлись набором чужеродных элементов. Развитие тогдашнего градостроительства можно сравнить с поэзией. Если заимствованный у Гомера сюжет «Энеиды» Вергилия считался исконно римским, то изменения в итальянской архитектуре, впитавшей в себя самые привлекательные эллинские черты, привели к появлению нового, органически цельного комплекса под названием «римский дом». Без перистилля атриум и жилые комнаты были бы слишком мрачны, а уютный дворик, в свою очередь, без атриума и таблинума мог бы остаться обычным садом. Благодаря эллинскому влиянию «балкон из досок» преобразился в живописную раму, завершавшую картину, в качестве которой можно представить перистиль. Атриум позволил наблюдать композицию в перспективе, еще более усилив эффект очарования, производимого зеленью и водой в обрамлении колоннады.

В Помпеях, как и во всей античной Италии, для жилищного строительства употребляли местный материал, в частности камень, залегавший поблизости и потому не требовавший больших затрат на доставку. В эпоху республики римляне предпочитали туф и пиперин из Албанских гор, а позже начали употреблять травертин и мрамор. Помпейцы издавна применяли известняк, образованный отложениями реки Сарно. Желтоватый, засоренный растительными остатками материал обтесывали до формы правильных плит и складывали фасады домов, скрепляя ровную кладку глиняным раствором. Внутренние стены формировали из мелких кусков, рядами уложенных между высокими стойками.

Уже во II веке до н. э. Помпеи были городом оживленной торговли и сильного греческого влияния, о расцвете которого можно судить по красивым и удобным для жизни зданиям. В то время сарнский известняк начали заменять серым туфом, доставлявшимся из каменоломен Нуцерии. Наружные стены домов, как прежде, складывали из плит, но обтесывали их так, что после укладки оставались выступы над линией соединения. Неглубокие пазы создавали игру света и тени, оживляя монотонно-ровную, одноцветную поверхность. Плиты крепились между собой водным раствором цемента и красноватого песка, иначе называемого путеоланской пылью. По замечанию Плиния Старшего, эта смесь «противостояла морским волнам, сливая камни в одну непреодолимую массу, день ото дня набравшую прочность».

Серый туф стоил недорого, был прочен и хорошо поддавался обработке. Последнее качество умело применяли местные мастера, превращавшие дома состоятельных граждан во дворцы. Пилястры на входе венчали изящными капителями, где художник высекал цветочные гирлянды, амуров, вакханок или красивые человеческие лица, слегка прикрытые листьями аканфа.

В канун нового тысячелетия помпейские строители переняли у римлян своеобразный прием отделки внутренних стен. Эффект сетки с отчетливо выделявшимися петлями вначале создавали с помощью уложенных на ребро миниатюрных кирпичиков из туфа. Позже стены делали из обожженного кирпича, перемешанного с камнем или без него, с последующей облицовкой мрамором, туфом либо мягкой каменной породой, хорошо поддававшейся резцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.